

Наука и народ

Михаил Бакунин

1868

Чего мы ищем? Чего мы хотим? Того же самого, чего хотели и искали живые люди всех времен и всех стран: Истины, Справедливости и Свободы.

Да не побойтся читатель, что мы затеряемся в заоблачных рассуждениях о том, что такое Истина? Мы знаем, что за облаками ее не найдешь. Под этим словом мы разумеем простую, естественную логику, присущую всему действительному, или всеобщий порядок явлений, подмеченный человеческим разумом как в мире вещественном, так и в мире социальном.

Мы, разумеется, отрицаем самым решительным образом произвольное и нелепое разделение мира действительности на физический и духовный; но считаем полезным сказать несколько слов о том, как произошло это разделение, пожалуй, естественное и в историческом смысле необходимое, но тем не менее имевшее на судьбу человечества самое плачевное действие. Оно было порождено в начале истории как бы недоразумением едва проснувшегося разума, не сознававшего себя и потому не подозревавшего, что он сам ни более ни менее как одно из естественных порождений природы. Лишенный, таким образом, возможности действовать самосознательно, трезво, разум проявился сначала в поэтических грезах и в религиозных представлениях, а потом в форме метафизического самоуглубления и отвлеченного самостроения и стал искать в едином себе причины всего. Но раз противопоставив себя как нечто отдельное и самостоятельное не только всему внешнему миру, но даже и непосредственному производителю своему - человеческому организму, он непременно образом должен был раздвоить единый мир действительности на мир "физический" и на мир "духовный".

С тех пор как мы узнали физиологическое происхождение всей нашей умственной деятельности, мы с одинаковою необходимостью пришли к сознанию нелепости подобного раздвоения.

Един мир, и едино средство для познания назначения законов или порядков его для добывания Истины - Наука; не метафизика и не отвлеченные умопостроения, а наука, основывающая свои рассуждения на опыте, употребляющая одинаково метод дедуктивный и метод индуктивный и проверяющая беспрестанно свои гипотезы строжайшим наблюдением и анализом фактов.

Таким образом изгнано из науки все сверхъестественное, все неразумное: понятие о боге и все другие понятия, вытекающие из него или соприкосновенные с ним. Единство и самая возможность рациональной науки впервые поставлены. Остается восстановить то же единство и тот же разум в жизни. Жизнь человека, коллективная и индивидуальная, от начала истории по самое настоящее время делится, как известно, между двумя противоположными, друг друга отрицающими, друг друга уничтожающими мирами: духовным и материальным, земным и небесным. К небесному стремятся все религиозные помыслы и чувства, все идеальные движения души; к земному все интересы земли, все материальные хотения и похоти живого человека. Первому миру приписывается все, что называют истиною и добром; второму - все грехи и вся ложь. Историческая судьба человека, переходя через многообразные пути и ступени развития, была до сих пор результатом этой непримиримой борьбы двух миров, соединение которых в один мир, в одну дружную жизнь после многих серьезных попыток, сделанных в различные времена искусством, религией, политикою, и, наконец, метафизикою, - оказалось решительно невозможным. Человек не умел и, пока оба мира в его сознании будут существовать друг от друга отдельно, он никогда не успеет освободиться в жизни своей от пагубного раздвоения: одна часть его существа будет в непрерывной борьбе с другою, а результатом такой борьбы может быть только "преступная анархия" - бунт материи или торжество духа, покорение материи, водворение порядка - добродетельное рабство.

Итак, чтобы окончательно освободить человека, надо положить конец его внутреннему раздвоению - надо изгнать бога не только из науки, но и из самой жизни; не только положительное знание и разумная мысль человека, но и воображение и чувство его должны быть избавлены от привидений небесных. Кто верит в бога, тот признает существование отдельного духовного или небесного мира, кто допускает в малейшей мере сверхъестественный, для разума непостижимый порядок вещей, тот обречен на неминуемое и безвыходное рабство. Люди науки освобождаются от него путем науки и только в области науки, но не в действительности, не в жизни. Потому что жизнь каждого человека, как бы он ни был учен и мудрен, находится, вследствие закона общественной солидарности, в прямой и непрерывной зависимости от жизни всех, от жизни народа; народ же своею верою обречен на рабство. Кто поэтому хочет быть сам свободен действительно, в жизни и в деле, тот должен устремить все усилия свои на уничтожение народной религии.

Вот главный пункт, по которому мы расходимся с позитивистами - последователями Огюста Конта.

Огюст Конт, точно так же как Прудон, Шопенгауэр и некоторые из новейших английских мыслителей, принял за основание своей позитивно-философской системы известное учение Еммануила Канта о неспособности человеческого ума проникать в сущность вещей.

Наш разум, - говорит кенигсбергский философ {Мы приводим здесь не собственные слова его, но смысл сказанного им в сочинении, известном под названием Критика Чистого Разума*}, - обнимает только явления как внешнего, или физического, так и внутреннего, или духовно-нравственного мира, как жизни природы, так и исторического развития общественной жизни; обнимает лишь взаимные отноше-

ния явлений, многообразные виды их соприкосновения и связи между собою, а также порядок их следования одного за другим, их происхождения и исчезновения в пространстве и времени, одним словом, все, что мы называем законами природы. Но сущность вещей, существование их для себя, независимо от нашего сознания и вне всякого к нему отношения, вещь, так как она есть по себе (Ding an Sich), и действительная причина, ее порождающая, для нас недоступны. У нас недостает ни органов, ни средств, чтобы добраться до них.

Нет средств, потому что всякая вещь, являющаяся нам необходимым образом, облекается в формы, или категории, которые принадлежат не ей, а нам, нашему сознанию, присущи нашему разуму прежде всякого опыта, т. е. прежде всякого столкновения его с какими бы то ни было предметами. Эти формы, или законы, нашего чистого созерцания, нашего чистого представления, рассуждения и умозаключения, Кант называет чистыми априористическими категориями разума. Таковы, например: категория пространства и времени, величины и количества, качества, меры, сущности, отношения, явления, причины и действия, взаимодействия, случайности и необходимости и т. д.

Вся беда Канта состояла в его идеализме, вследствие которого он приступил к критике чистого разума, не позаботившись узнать о его физиологическом происхождении, и стал его разбирать как нечто абсолютное, существующее независимо от всего. Нашедши в нем, таким образом, формы, или законы, мышления, выработанные в нас веками, но принятые им за формы, присущие самому разуму и потому, будто бы независимые от всякого опыта, Кант естественным образом заключил, что, так как всякая вещь может являться нам только через посредство этих форм, которые принадлежат не вещи, а нам, то мы можем знать ее только так, как она нам является, а не так, как действительно по себе существует.

Если б Кант поверил современнику своему Юму, утверждавшему ему наперекор и совершенно сообразно с истиной, что мнимо априористические формы сознания не что иное, как продукты бесчисленного множества бессознательных или позабытых нами впечатлений и опытов; если б, главным образом, Кант дожил до того времени, когда всем лучшим умам стало ясно, что разум не искра, упавшая с неба, а не более как деятельность самого мозга, следовательно, продукт нашего телесного организма, он не противопоставил бы идеальный мир сознания действительному миру вещей, не разделил бы их искусственной пропастью и, разумеется, догадался бы, что между явлением и вещью по себе нет и не может быть разницы.

Как бы то ни было, установив раз по-своему теорию чистого разума, Кант провел через неумолимую критику все богословские и метафизические идеи: о бесконечном, о первоначальной причине, о сущности и о конечной цели мироздания, о боге, о бессмертии души и т. п. и заключил, что все эти идеи, даже и в том предположении, что они соответствуют в самом деле действительности, по сущности своей недоступной для нашего сознания, не могут быть дознаны, оправданы или доказаны нашим разумом. Причем должно заметить, что сам Кант так мало сомневался в действительном существовании идеального или бесконечного мира, бога, бессмертия души и свободного произвола ее, что в своей Критике Практического Разума* он поставил их как постулаты, или как предполагающие требования разумной воли.

Германская умозрительная философия на этом не остановилась. Фихте, Шеллинг и Гегель в качестве последних метафизиков пытались вновь вывести объективность или действительность бесконечных идей из самого разума. Но вместе с тем именно Гегель, которому принадлежит несомненная и великая честь доведения метафизического метода до самоубийства, нанес этим идеям решительный и последний удар, показав их натуральное историко-психологическое и социологическое происхождение; в Феноменологии своей, в Философии истории, в Эстетике, в Философии религии и в Философии истории философских систем** он явным образом и с гениальной сметливостью и смелостью представил их как необходимые исторические моменты постепенного саморазвития, самопроявления и самоуразумения человеческого разума; так что все эти мнимо бесконечные идеи, которые в продолжение нескольких тысячелетий были признаваемы человеком за самостоятельные и верховные сущности, не только от него независимые, но преобладающие над ним и над миром, оказались теперь собственным, правда бессознательным, произведением его ума - говоря проще - необходимым продуктом его натуральной исторической глупости. Таким образом, бог, бессмертная душа, таинственный мир бесконечных субстанций объяснились самым простым образом как обманчивое отражение, как мираж нашего еще детского разума, созерцавшего себя вне себя и перенесшего свою собственную, фантастически им до бесконечности расширенную суть в фантастическое небо.

Вот, как бы наперекор самому Гегелю, последнее слово всей его системы. Правда, что это слово было высказано им так неясно, что огромное большинство гегельянцев, как заметил поэт Гейне, его не поняли. Но понял и высказал его с великолепной простотой и искренностью в самом начале сороковых годов единый великий ум в этой школе после Гегеля, последний гегельянец, можно сказать вообще, душеприказчик осужденной на смерть метафизики, знаменитый Людвиг Фейербах, столь много читаемый русскою молодежью.

После Фейербаха необходимость обращения к миру действительному, необходимость фактического изучения и разумного, но не метафизического понимания его, необходимость основания целой системы наук, включая сюда, разумеется, всю психологию и всю социологию, на естествознании стала ясна в Германии для всякого здравого ума, для всякой живой души. И вот появилась целая вереница ученых, основателей новой натуральной школы и, если нам позволено будет так выразиться, апостолов революционной науки. Имена Бюхнера, Карла Фохта, Молешота и нескольких других точно так же известны в России, как имя самого Фейербаха.

Мы их называем по праву апостолами революции. Они не только ученые, нет, они выступили как бойцы против всех призраков, порожденных идеализмом религиозным и метафизическим и преграждающих человеку путь к свободе. Они на всенародном языке назвали себя атеистами и материалистами, поняв, что назначение науки - освободить без исключения все умы и готовить тем самым освобождение самого общества.

Признание в мире, вне его и над ним, высшего бесконечного существа; богопризнания и богопочитания всякого рода; учение о бессмертной душе и о загробных наградах и наказаниях и неразрывно связанное с ними существование церквей, попов - посредников и примирителей с богом, чудотворцев, пророков и богопомощников; так же как необходимо из них вытекающее суще-

ствование богопоставленных государств со всем их историческим хламом: с правом государственным, уголовным, гражданским; с наследственной собственностью и деспотизмом семейным; с полицейской властью и с военным насилием; все эти темные порождения религии были несомненно продуктом того первобытного рабства, в котором наш род погрязал в начале своей истории, когда он только что стал выделяться из рода горилл или других обезьян. Все эти несомненные следы нашей первоначальной животности человек тащил, постепенно их уменьшая по мере того как он сознавал и осуществлял свое человечество, сквозь всю историю; тащил их, как освобождающийся Спартак тащит свою цепь. И очевидно, что чрезвычайная тяжесть этой исторической цепи была и продолжает быть главной причиной несносной медленности человеческого освобождения и развития. Но очевидно также, с другой стороны, что все эти продукты нашего доисторического натурального рабства непременно образом должны были сделаться, в свою очередь, новым источником нового исторического рабства, которое продолжает тяготеть над нами и от которого мы освободиться можем только путем рациональной науки.

Поэтому, не спрашивая даже, до какой степени вышеупомянутые основатели новой натуральной школы в Германии сами желают или даже понимают практические последствия созданного ими учения, мы были вполне вправе назвать их апостолами революции. Уничтожая в народе веру в небесный мир, они готовят свободу земного. Между этою школою и школою Огюста Конта существует именно по этому пункту огромная разница.

Огюст Конт, бесспорно, один из замечательнейших умов нашего века, развился чисто на французской почве и, можно сказать, совершенно независимо от всякого влияния со стороны германской философии, из которой ему был несколько знаком только Кант. Он был в своей молодости учеником Сен-Симона, а в 1830 году появилась уже первая часть его знаменитого Курса Положительной Философии. Его великое преимущество перед германскими философами состояло в близком знакомстве с положительными науками. Он был одним из последних и наиспособнейших представителей той славной математической и физической школы, которая со времен революции процветала во Франции до начала пятидесятых годов и которой знаменитый Араго, впрочем, гонитель Конта, был, можно сказать, последним замечательным представителем. Огюст Конт был позитивист по природе, по преданию, по характеру своей нации, по всей общественной обстановке. В его уме не могло быть места для германского идеализма.

Порядок следования наук в его системе чрезвычайно схож с порядком, установленным Энциклопедиею Гегеля*; но у Конта перед Гегелем то огромное преимущество, что, в то время как последний силился основать природу на логике, на разуме, на духе, - Конт напротив, и совершенно справедливо, основывает разум и так называемый дух на природе, зиждет все духовно-нравственное развитие человека - психологию и социологию исключительно на космических, физиологических и антропологических основаниях. В этом - каковы бы ни были его ошибки в разрешении специальных вопросов - его бессмертная заслуга. Таким образом он, со своей точки зрения, так же как и новые натуралисты Германии, нанес тяжелый удар идеализму, изгнав его окончательно и систематически из науки.

Но именно вследствие того, что ему не была известна новейшая история последовательного саморазрушения метафизического начала в Германии, он не умел покончить с идеализмом. Он только обошел его. Изгнав его из науки, он позволил ему царствовать бесконтрольно в широкой области воображения и чувства. Руководясь критикой Канта, взяв как бы на веру его заключения о неспособности разума познавать бесконечное и проникать в сущность вещей, он принял за основание своей системы мысль, уже давно, впрочем, принятую в виде аксиомы всеми французскими учеными, - вы найдете ее в предисловиях или в введениях многих французских учебников механики, физики, химии или другой положительной науки, - а именно, что человек способен познавать только явления и отношения явлений между собою, т. е. законы природы и общества; но что первоначальная причина явлений, их настоящая суть останется для него вечно недостижимой тайной; причем предоставляется воображению и чувству заниматься ими сколько и как им будет угодно, позволяется даже им восстановить для своего собственного обихода бессмертие и бога, отнюдь не отрицаемых позитивным учением, но только изгнанных из науки. Таким образом, остаются и овцы целы, и волки сыты.

Вот главный пункт, по которому мы расходимся не только с нашими доморощенными позитивистами, но и с серьезнейшими представителями "Положительной философии" в Европе. Они, несмотря на большую ученость и на многие другие достоинства, - или лицемеры, или недодумки.

"Мы не атеисты и не материалисты, - гласят они, - мы только позитивисты. Мы не отрицаем отнюдь существования ни бога, ни бессмертной души, а только говорим и доказываем, что для всех этих бесконечных существ, ежели они существуют, для всех этих идей, преходящих границу известного мира явлений, не может быть места в науке, - что они для разума недоступны".

Не то ли же самое говорят богословы всех церквей и религий?..

Число недодумок, а, пожалуй, также и лицемеров всего значительнее между позитивистами в Англии. Известно, что в привилегированном, буржуазном и аристократическом английском мире при большом развитии свободы политической существует чрезвычайное социальное рабство, проявляющееся главным образом инквизиционным могуществом "святых" {Нередко называют так в Англии членов библейского и многих других обществ, ревностно занимающихся религиозною пропагандою.} и полуверующим, полулицемерным библейским настроением публики, не на шутку трепещущей перед ними. Известно, что почти всякий порядочный англичанин, как бы он ни был умен, образован, считает обязанностью выслушивать несноснейшую проповедь каждое воскресенье, потому что того требует его джентльменство и потому что он должен служить примером народу, который, если отпадет от религии, пожалуй, возьмется за удовлетворение своих земных appetitов и тем нарушит спокойствие и комфорт джентльменского существования. В XVII и в XVIII веке еще были искренние и смелые мыслители в Англии. Но в XIX веке, кроме поэта Шеллея, никто еще не осмелился назвать себя громко атеистом и материалистом.

Немудрено, что при таком расположении умов английские философы и натуралисты ухватились с большою радостью за возможность, открытую им системою Канта,

идти до конца в ученых исследованиях и вместе с тем не прослыть ни атеистами, ни материалистами. Таковую практическую двойственность найдете вы во всех сочинениях Бокля, Дарвина, Льюиса, Герберта Спенсера и Стюарта Милля. Они не революционеры, а потому боятся, не хотят и не находят нужным посягать на веру народную. Но если б буржуазный инстинкт и вытекающие из него практические соображения не омрачили их логики, они давно бы поняли и признали бы честно и громко, что одного допущения наукою возможности существования бога действительного, хотя и недоступного для самой науки, достаточно, чтобы, с одной стороны, утвердить в сердцах непросвещенных людей царство этой идеи, а следовательно, и рабство людей, и чтобы, с другой стороны, уничтожить самую возможность науки. Потому что, куда вмешивается сверхъестественная и всемогущая сила, там не может быть ни порядка, ни смысла, ни логики, не может быть и свободы. Всемогущество же, ни во что не вмешивающееся, ничего не прерывающее и ничему не мешающее, - равно нулю.

Должно признать, что французские позитивисты если и немногим искреннее, то, по крайней мере, гораздо последовательнее английских. Умнейшие между ними - атеисты и материалисты. Но весьма немногие между ними согласятся признаться в этом публично. Они философы, а не бойцы и официальным гонениям слишком себя подвергать не намерены. А ныне, как всем известно, преобладает на правительственных вершинах во Франции самое трогательное католическое настроение: сенат, камера народных представителей, вся бюрократия, магистратура и войско, сама академия наук проникнуты христианством. В такой среде выступать с атеизмом и материализмом неловко.

К тому же французские позитивисты отнюдь не ощущают потребности посвящать темные массы в свое неверие. Они аристократы интеллигенции, попы науки.

"Напрасно, - говорят они, - правительства стали бы нас преследовать. Мы им не мешаем, и хотя правда не отталкивает от себя ни одного из тех немногих избранных, которые к нам приходят, требуя от нас посвящения в тайны научного метода, мы не зовем к себе никого; и не только мы не делаем пропаганды против общественной метафизики и против народной религии, но находим, напротив, что как та, так и другая необходимы для тех классов, в среде которых они продолжают царствовать ныне, - необходимы для всех тех, которые или вследствие умственной неспособности, или вследствие отсутствия средств и времени для учения не могут подняться на высоту чистой науки".

Позитивисты, с консервативной точки зрения, без сомнения, правы: религия для народной черни необходима. Так как до сих пор всякое управление народом имело постоянную и неперемennую целью порабощение народной производительной силы в пользу привилегированного и более или менее праздного меньшинства - в этом ведь именно и состоит вся суть государства, - то всем правительствам необходимо иметь в руках средство для убеждения непросвещенной толпы в необходимости такой жертвы. Средство это может быть только двоякое: или религиозное убеждение, или насилие - или страх божий, или палочный страх. Но только одним насилием не удержать в повиновении даже самого смиренного, самого вялого народа. Всякое

существо, живущее в мире, какова бы ни была его относительная слабость, способно к самому энергическому отпору, когда у него отнимают условия, необходимые для его жизни; а материальная сила народа всегда значительно сильнее притесняющего и эксплуатирующего его меньшинства. Поэтому для одержания полной и продолжительной победы над народом необходимо ослабить его натуральную энергию, ослабить и развратить в нем силу отпора. - Это дело религии.

С другой стороны, недостаточно также и одного действия религии для порабощения народов. Логика интересов, нужд и потребностей жизни сама по себе так ясна, так сильна, что если бы ей дали только волю и не воздерживали бы ее постоянным насилием от фактической постановки вопросов, она была бы способна разбить все кумиры в народном воображении и сердце; что имело бы опять непременно последствием уничтожение всех привилегий ныне повсюду царящего меньшинства. Итак, для сохранения порядка необходимо, чтобы обе власти: церковная и государственная, оба страха: земной и небесный - дополняли друг друга. Вот почему во всех государствах, с тех пор как существует история, палочное управление и религиозное управление были родными и неразлучными братьями.

Сторонники революции - мы враги не только всех религиозных попов, но также и попов науки, - враги всех, утверждающих, что религия нужна для народа, - отвратительная и подлая фраза, которая в сущности имеет вот какое значение: "Народное невежество необходимо нам, эксплуататорам и притеснителям народа".

Мы хотим разрушения всякой народной религии и ее замены народным знанием. Да, мы хотим для народа разумного, строго научного знания.

Мы хотим его, потому что хотим окончательного освобождения народа из-под всякой государственной опеки; но не для того, чтобы подвергнуть его новой опеке революционных доктринеров. Настоящая революция именно состоит в совершенном уничтожении всякой опеки, в коренном упразднении всякого государственного управления. Мы хотим совершеннолетия народного, а для совершеннолетия действительного нужна наука.

Значит, ответят нам, вы признаете, по крайней мере, законность и необходимость хоть временной опеки над народом, а именно до тех пор, пока он не просветится наукою? Нет, не значит. Мы не только не признаем этой необходимости, но, напротив, уверены, что как бы ни была низка степень просвещения народного и как бы ни были просвещенны и искренне честны народолюбивые люди, берущиеся за честолюбивое дело опекания народа, эта опека развратила бы их самих непременно и стала бы для народа непременно источником рабства, обеднения, умственного и нравственного застоя. Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках, и губит того, кто ей подчинен.

Итак, мы ни в каком случае не признаем ни права, ни пользы опеки над народом, в какой бы степени развития этот народ ни стоял.

Все, что мы можем признать, это естественность самого факта народного подчинения, народного терпения и повиновения там, где еще народ одержим суеверием, опьянен религиозными верованиями и надеждами, там, где трезвый голос науки не объяснил еще смысла вещей и где продолжительное отсутствие свободы имело результатом неразвитость характеров и несознание своей собственной силы. Но

люди, пользующиеся таким образом народным невежеством, от этого не становятся красивее.

Наша задача состоит поэтому прежде всего в уничтожении народного невежества. Но оно может быть побеждено окончательно только наукою. Доступна ли наука для народа? А почему ж нет? Ведь она нам доступна, а в народных рядах есть много, много людей, которые будут, пожалуй, и поумнее нас с вами, любезный читатель. К тому ж вам известно, что именно наш народ природой не обижен, ум его свеж, могуч, а главное, свободен. Все предрассудки его на поверхности, ни один не успел залечь в нем тяжелым, неповоротливым камнем. Но у него нет досуга, нет средств на учение. К тому ж правительство, теперь еще всемогущее, употребит, без сомнения, все громадные средства свои, чтоб помешать настоящему народному просвещению.

Да, в этом весь вопрос, весь социальный вопрос. В нем лежит необходимость самой революции.

И посмотрите, как странно поставлен этот вопрос! Кажется, безвыходный круг: чтобы освободить народ, надо его научить; а для того, чтобы его научить, надо дать ему средства, охоту и время на учение, т. е. надо освободить его из-под того политического и социального гнета, которым он задавлен теперь. Что же делать, с чего начать, с какой точки должны мы приняться за дело?

Многие говорят: надо устроить по целой России народные школы. Так говорят, особливо теперь, все усталые и от усталости или от испуга ослабевшие люди. Да, народные школы, без сомнения, - прекрасное дело. Только кто даст народу время, охоту, возможность их посещать или посылать в них своих детей? Ведь он задавлен работою, которая еле-еле спасает его от голода. И кто будет устраивать школы? правительство? дворянство? богатые люди? попы? т. е. те самые, против которых именно надо устраивать народные школы? Ведь это нелепость.

И, странное дело, нелепость эта у нас в России в известной мере чуть было не осуществилась. В среде дворянского сословия, бывшего, без сомнения, от самого основания Московского Царства по сегодняшней день заодно с государством, злейшим врагом, грабителем и мучителем народа, - нашлись люди, искренно преданные делу народного просвещения и народного освобождения. Все Декабристы и Петрашевцы принадлежали к нему; к нему же принадлежит и немалая часть политических преступников, сосланных ныне благополучно царствующим и благодушным императором в Сибирь на заточение и в каторгу. Так называемые Нигилисты, отчасти и огромное большинство Нигилистов, вышли из того же сословия; так же как и некоторые отдельные личности, ратующие в настоящее время за народ, - разумеется, против огромного дворянского большинства в судах и земских собраниях. Дворяне, представители целой губернии, в 1862 году требовали уничтожения сословий и созвания всенародного земского собора. Наконец, оказались дворяне, хотевшие записаться в крестьяне. Правительство, лучше их понимавшее дворянское достоинство, дворянский долг и дворянские интересы, разумеется, ни на то ни на другое не согласилось.

Это странное явление объясняется, впрочем, весьма естественно. Дворянство, как известно, было у нас первым и в продолжение многих десятилетий единственным сословием, до которого коснулся свет западного просвещения; а просвещение одарено такую плодотворною силою, что, несмотря на все гнусные политические и

экономические условия (обрекающие до сих пор наше дворянство на холопство и зверство), оно успело образовать даже в дворянской среде, и особенно в дворянской молодежи, людей, ненавидящих рабство, любящих справедливость и требующих более человеческих отношений к народу, на поте и крови которого было основано даже самое их образование. Весьма редкие из них, разумеется, понимали, что первым условием действительного осуществления того, что они признают справедливым, и желаемого ими освобождения народного должно было быть совершенное уничтожение тех экономических условий, в силу которых они - привилегированное сословие - получили возможность образоваться, а народ, обрабатывающий на них свою, ими отнятую у него землю, был обречен на невежество. Тем не менее стремления их, хотя бессильные и бесплодные, потому что не основаны на праве и на интересах народа, были искренни и благородны. Но цивилизация, основанная на привилегированной, наследственной собственности, т. е. на эксплуатации народного труда в России, в Европе, везде, ныне, как и всегда, заключает в себе внутреннее противоречие, которое рано или поздно должно задавить под возрастающей силою эгоистических или сословных интересов первоначальное бескорыстно-юное стремление к правде, справедливости и общему благу.

И действительно, логика сословных интересов стала в последнее время преобладать видимым образом в сознании и в самом политическом направлении наших сословий, не имеющих, впрочем, вне правительства ни смысла, ни силы. Та часть дворянства, которая вконец разорилась от новых реформ и которая сохранила возможность по старой привычке поддерживать свои поместья воровством казенно-служебным, начинает действительно понимать, что для соблюдения своих выгод и для спасения себя как сословия она должна дружно стать за правительство, за государство, за царя против народа. К тому же и самый революционный вопрос поставлен у нас теперь гораздо определеннее и яснее и выпутывается все более и более из того странного и, по нашему убеждению, чрезвычайно вредного смешения понятий и стремлений, которое позволяло еще недавно людям, чуждым всяких революционных инстинктов, принимать себя не на шутку за революционеров. Они обманывали и себя, и других и положительно портили дело. Но с тех пор как стало ясно, что ни в России, ни в целой Европе не может быть другой революции, кроме социальной, зная, что социальная революция на полдороге остановиться не может, большинство богатых людей, желающих сохранить и передать своим детям унаследованное или благоприобретенное ими богатство, поняли, что им в революционных рядах не место и что их собственные интересы требуют союза неразрывного с правительством, с государством. Вследствие чего число имущих дворян и недворян в наших рядах стало значительно уменьшаться, заменяясь людьми, более способными любить, понимать и представлять народное дело; таковы: дети в пух разоренных дворян, разночинцы, семинаристы, мещане и крестьянские дети. В них состоит теперь главным образом и почти исключительно наша народная, противогосударственная фаланга - посредница между революционной мыслью и народом.

В начале нынешнего царствования этой розни еще не было или она мало чувствовалась. Образованная молодежь всех сословий как бы сливалась в партии движения; и когда вследствие благодетельного крымского погрома, вслед за постыдной для государством войной, достойным образом увенчавшей царствование императора Ни-

колая, когда вся Россия востепенулась и как бы воскресла, мысль об освобождении народа стала мыслью всеобщей; и так как никто не сомневался в том, что наука есть вернейшее средство для достижения этой цели, множество молодых людей разных сословий бросились учреждать народные школы, воскресные и не воскресные. В короткое время возникло в России значительное число таких школ и все пошло прекрасно: народ, возбужденный светлою надеждой, стал учиться умно и охотно. Каких-нибудь десять лет такого учения, и он ушел бы далеко... Но мудрое правительство вдруг все остановило.

Да, правительство выказало в этом случае мудрость несомненную. Оно поняло, что просвещение народа будет губительно для него, для государственной власти, для целой империи. Екатерина II, без сомнения, умнейшая из потомков Петра, писала одному из своих губернаторов, который, поверив ее обычным фразам о необходимости народного просвещения, поднес ей проект об установлении школ для народа: "Дурак! все эти фразы пригодны, чтобы морочить западных болтунов; ты же знать должен, что коль скоро народ наш станет грамотным, ни ты, ни я не останемся на своих местах". И действительно, народ, познавший при свете науки свою силу и свою настоящую пользу, не захочет платить ежегодно несколько сотен миллионов рублей и отдавать свою кровь на содержание империи, все существование и процветание которой со времени ее основания было и необходимым образом всегда будет основано на его разорении и рабстве.

Народу нашему, по счастливому выражению, высказавшему в двух словах вековые требования его, нужны прежде всего Земля да Воля. Империя же наша в особенности и вообще всякое военно-бюрократическое государство устроены так, что если б они даже хотели, они ни того, ни другого решительно дать народу не могут. В тот день, когда народ наш это поймет, империи не будет, следовательно, все существование ее основано на народном невежестве. Как же надеяться после того, чтоб правительство когда-либо захотело серьезно распространить просвещение в народе? И не право ли оно, с своей точки зрения, когда противится всеми возможными мерами созданию рациональных школ для народа?

Нет сомнения, что оно поступает бесчеловечно, жестоко со всеми искренними ревнителями народной науки. Но мы удивляться его жестокости, ни даже упрекать его в ней не станем. Оно делает свое дело. Дело же всякого государства - душить народ для сохранения себя; точно так же как дело людей революции - разрушить государство для избавления народа.

"Кто устоит в неравном бое?" Сила настоящего, без сомнения, за государство. Но зато сила будущего и, надеемся, не слишком далекого будущего - за народ.

Мы удивляемся, напротив, тем, которые решаются утверждать, что правительство могло не закрывать воскресных и других школ, основанных передовыми людьми для народа; могло терпеть образование и процветание рабочих артелей; могло выдерживать свободную критику и даже извлечь для себя пользу из бесцензурного печатного слова; могло не звать к себе на помощь лучшего представителя государственной мысли и пользы нашего государственного патриота Михаила Николаевича Муравьева-вешателя; могло не засекаать и не расстреливать крестьян, не сумевших раскусить с первого раза комедию мнимого освобождения; не купаться в польской крови* и не ссылать на каторгу, в заточение и не губить сотни наших молодых лю-

дей, отдавших себя делу народного просвещения и народного освобождения; что оно могло, одним словом, помирить интересы империи с интересами русских и не русских народонаселений, работающих на нее как рабы и заключенных в ней, как в остроге. Признаемся, что нам такая вера в способность правительства не делать зла и делать добро, творить чудеса не только по минусу, но также и по плюсу казалась всегда удивительною наивностью.

Мы к этой наивности не причастны; ждем от правительства или далее, вернее, от государства, интересы которого оно представляет, всякого зла; и наперед обещаем, что как бы гнусно оно и впредь ни поступало, мы не только удивляться не станем, но будем видеть в его мерзейших поступках естественные и необходимые проявления его существа. Удивимся, напротив, и мало порадуемся, когда ему удастся сделать хоть малейшую вещь в действительную пользу народа; потому что эта капля случайно сделанного им добра возбуждением новой и непременно глупой веры в него могла бы произвести много зла.

Спешим закончить эту статью практическим заключением. Несомненно, говорим мы, что правительство воспротивится всеми силами устройству достаточных и разумных школ для народа. Должно ли это нас останавливать? Нисколько. Будем устраивать и помогать устройству школ, в крайнем случае даже правительственных, где и сколько будет возможно. Но не будем себя обманывать и скажем себе, что при бедности наших средств и при громадности правительственного противодействия мы путем школ никогда не добьемся до положительных результатов.

Путь освобождения народа посредством науки и для нас загражден; нам остается поэтому только один путь, путь революции. Пусть освободится сперва наш народ, и, когда он будет свободен, он сам захочет и сумеет всему научиться. Наше же дело приготовить всенародное восстание путем пропаганды. О том, во имя чего и как должно вести пропаганду, поговорим в другой раз. Теперь же скажем еще несколько слов об отношении нашем к народной религии.

Мы уважаем безусловно свободу каждого, лишь бы она не была свободой притеснения и гнусным произволом эксплуататора и притеснителя. Поэтому мы уважаем свободу всякой веры; уважаем не самую веру, если она глупа (глупости уважать невозможно), но только несомненное право каждого человека верить во всякую глупость, если он находит в ней утешение и удовлетворение. Это нам отнюдь мешать не должно говорить, писать, печатать, вести самую яркую пропаганду против всего, что нам кажется нелепостью, ложью, хотя бы миллионы людей верили в них. Это наша обязанность, наше право. Обязанность, потому что всякая ложь и всякая глупость непременно действуют пагубно на общество, принимающее их за добро и за истину. Право, потому что, вследствие зависимости всякого человека от общества, ущерб общества - наш ущерб; его пагуба - наша пагуба. Итак, наше право и наша обязанность вести неотступную пропаганду против народной религии не могут быть подвергнуты сомнению. Другой вопрос: как надо вести ее для того чтоб она действительно достигала своей цели?

Наш совет всем нашим друзьям: поступайте осторожно с верой народа. Не потакайте ей, не притворяйтесь перед нею, но и не оскорбляйте ее. Иначе вы оттолкнете народ от себя, прежде чем он успеет увериться в нашей честной преданности его делу, и сами поможете правительству, которое и без того употребляет все усилия,

чтоб отделить вас от него пропастью. Боритесь против народного суеверия во всех тех случаях, когда будет возможно вести эту борьбу без опасности потерять доверие народа. Но там, где противурелигиозная пропаганда могла бы восстановить его против вас, вы должны решительно от нее воздержаться. Эта осторожность необходима для самого успеха противурелигиозной пропаганды в народе.

Убедившись раз, что нам нет возможности идти путем просвещения к свободе и что мы должны достигать народной науки путем революции, мы должны устремить главным образом всю свою пропаганду против царя, должны прежде всего уничтожить в сердце народа остатки той несчастной веры в царя, которая в продолжение столь многих веков обрекала его на гибельное рабство, должны окончательно его убедить, что помещичество и чиновничество, два главные предмета его исторической ненависти, собственной силы никогда не имели, но держались всегда и продолжают держаться только волею и силой царя. Мы, наконец, должны пробудить в народе сознание его собственной, со времени Пугачева опять заснувшей, силы; должны уму указать, как соединением всех местных доселе разрозненных усилий своих в одно дружное всенародное дело он должен восторжествовать над всеми притеснителями и врагами.

Исполним эту задачу, будем только честными и неусыпными приуготовителями и повивателями революции. Все остальное сделает сама революция.

А до тех пор, да служит нам ободрением тот несомненный и, впрочем, нами выше упомянутый факт, что религия нашего народа, хотя и облекается большей частью в грубые формы и содержит, как все христианство, догматы, поражающие не только своей нелепостью, но и безнравственностью, - что эта религия в нашем народе болезнь только накожная, отнюдь не проникшая в глубь его жизни.

Народная религиозная вера коренится не в одном только невежестве, но главным образом в неполноте и в искусственной тесноте народной жизни, заедаемой собственниками и подавляемой государством; она есть как бы протест живого и жизни жаждущего сердца народа против гнусной действительности. Напрасно бы было ждать освобождения народа от религиозного сумасшествия или пьянства, пока само положение его коренным образом не изменится. Вы никогда не достигнете отрезвления его одним только путем умственной пропаганды. Окончательно освободит его от всякой религии только СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Михаил Бакунин
Наука и народ
1868

Скопировано 12 декабря 2014 года с http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0090.shtml
Работа опубликована в журнале "Народное дело", в первом номере, который вышел
1 сентября 1868 г. в Женеве под редакцией М. Бакуни-на и Н. Жуковского. Она
помещена в разделе "Постановка революционных вопросов" как первая статья
задуманного издателями цикла. (Этот замысел остался незавершенным.)
Печатается по тексту журнала.

ru.theanarchistlibrary.org